

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

УПРАВЛЕНЕЦ

Егор Заворохин: Оборонные заводы государство обанкротить не даст

Исполнительный директор завода им. Дзержинского рассказал об обстоятельствах своего ареста и перспективах предприятия

Вокруг завода им. Дзержинского уже много лет происходят неоднозначные события: смена руководящих команд, гражданские и уголовные дела, судебные тяжбы и аресты. Между тем ЗиД — это не просто некогда «районно-образующее» предприятие, но и часть российской оборонки. Поэтому происходящие на заводе события, без сомнения, интересуют всех. Исполнительный директор завода Егор Заворохин, в отношении которого было заведено уголовное дело, некоторое время провёл в СИЗО, но в сентябре 2015 года был выпущен под залог 18 млн руб.

— **Егор Александрович, поясните, в чём суть обвинений в отношении именно вас и почему вы называете их абсурдными и надуманными?**

— На сегодняшний день в Перми дел по заводу им. Дзержинского нет. Все они расследуются на уровне Приволжского ФО. По делу, заведённому в отношении меня якобы за нарушения при ремонте крыши, прокуратура уже дала заключение, что здесь нет состава преступления и дело возбуждено не по закону. Те дела, по которым меня закрывали в СИЗО, тоже были изъяты 30 октября из Перми для объективного расследования.

В чём абсурд обвинения? Дело в том, что следствие изначально основывается на недостоверных цифрах и фактах. Почему-то, по данным следствия, в период с ноября 2011 года по апрель 2012 года на ФГУП «Машиностроительный завод им. Дзержинского» было поставлено не более 13 732 Гкал тепловой энергии. Но это просто противоречит здравому смыслу и не имеет под собой ни технического, ни математического обоснования. Этим количеством тепла можно отопить разве что склад, где температура не превышает 10 градусов. На самом деле все объективные и достоверные расчёты показывают, что тепла завод потребил в 10 с лишним раз больше — 174 517 Гкал. Ведь именно в этот период мы возобновили производство изделий оборонного назначения, начали расти объёмы производства. Как следствие, начался рост

потребления пара на технологические нужды.

Мне вменяют, что я подписал акты с завышенными показателями потребления. Но эти акты я могу подписывать только после того, как их проверяют и визируют все специальные службы завода: отдел главного энергетика, который списывает показания, главный инженер. Наш завод — оборонный, любое действие здесь регламентировано.

Помимо этой странной «экспертизы» у полицейских есть ещё показания уволенных с завода сотрудников, в частности того самого бывшего главного инженера, который также подписывал акты. Полагаю, этих сотрудников и «обрабатывали», чтобы использовать показания против меня.

— **Получается, где-то в структуре МВД есть люди, которые, скажем так, заинтересованы в вашем уголовном преследовании. Но не так давно сменилось руководство краевого управления МВД. Смена руководства как-то повлияла на судьбу расследования в отношении вас?**

— Дело в том, что руководитель высокого уровня станет разбираться в том, что происходит «в низах», только в случае какого-то ЧП. На примере завода скажу: я тоже могу в цеха не заходить, если доверяю информации, которую мне даёт заместитель либо начальник цеха. Но если мне что-то не нравится, ходят какие-то слухи, я иду в цеха и спрашиваю у людей, что и почему им не нравится.

Я не хочу сказать ничего плохого про новых руководителей прокуратуры или ГУВД. Они просто черпают информацию от своих сотрудников, которые, уверен, имеют свой интерес в этом деле. Вот и всё. Они пока просто не хотят вникать в эту ситуацию — тяжёлую ситуацию, подчеркну, так как завод банкротится с 2006 года.

Но рано или поздно вникать придётся, потому что уже даже президент страны указал на то, что уголовное преследование у нас стало инструментом «прессования». За 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 тыс. уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тыс. из 200 тыс., ещё 15 тыс. дел развалились в суде. «Получается, если посчитать, приговором закончились лишь 15% дел. При этом абсолютное большинство — около 80–83% предпринимателей, в отношении которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили!» — возмутился Владимир Путин.

— **Может быть, дело вообще не в полицейских, а идёт какая-то игра вокруг завода на уровне Москвы?**

— Нет-нет, в Москве все заинтересованы в сохранении ЗиД. Есть просто совершенно конкретная группа лиц, которые заинтересованы в том, чтобы не дать заводу выкарабкаться. И есть конкретные силовики на уровне «среднего звена», которые им в этом помогают.

Попытки и дальше раскачивать ситуацию уже есть. Появились вбросы информации про новые дела в отношении меня. Мне уже из Москвы звонят: «Что опять?» Ничего, говорю, «утка». Но я не удивлюсь, если такие новые дела появятся в скором времени. Ведь уголовные дела — единственный рычаг у следователей, чтобы давить на завод, гробить предприятие срывами заказов. Все старые дела забрали на уровень ПФО для объективного рассмотрения. Значит, им нужен новый инструмент, и они его выдумают.

Поэтому я очень хочу обратить внимание именно руководителей прокуратуры, следственного комитета, ГУВД: приезжайте, посмотрите на завод, выясните, что делается, как делается. У нас всё прозрачно. Снижаем затраты, чтобы держать цену продукции, в которой заинтересовано государство.

Руководство силовых ведомств не должно слепо верить тем людям, которые заинтересованы сделать так, чтобы завод им. Дзержинского ассоциировался с воровством. Нужно самим разобраться в ситуации, ведь любое уголовное дело вредит заводу, вредит коллективу, потому что морально ослабляет.

— **Завод — государственное предприятие. Вы пытались выйти на уровень учредителей?**

— Да, у нас собственник один — это Минпромторг РФ. Но не надо забывать, что по закону о банкротстве собственник теряет свои полномочия, все решения